

А.Н. Криштофович и постановка фундаментальных палеоботанических исследований в СССР

И.А. Игнатьев

*Геологический институт РАН, 119017 Москва, Пыжевский пер. 7
ignatievia@mail.ru*

Прошедшие в сентябре 2019 года в Ботаническом институте РАН (Санкт-Петербург) X Чтения памяти А.Н. Криштофовича, казалось бы, могли стать и веским поводом, и трибуной для серьезного разговора о развитии палеоботаники в нашей стране и стоящих перед ней проблемах. Поводом, которым организаторы Чтений, увы, не воспользовались, привычно отдавшись на волю скучного потока исследовательской рутины и ни к чему не обязывающего общения в духе идей плюрализма и толерантности. А зря!...

В настоящей статье мне хотелось бы вернуться в конференц-зал Ботанического института РАН к докладу, с которым, по вине одного из организаторов, мне не удалось выступить, и остановиться на одной недостаточно известной стороне научного творчества Криштофовича. А именно – на его идеях и усилиях по организации фундаментальных палеоботанических исследований в нашей стране.

Непосредственным поводом к написанию статьи стала переданная автору сотрудником Палеонтологического института РАН (далее – ПИН) палеознтологом Д.Е. Щербаковым копия письма А.Н. Криштофовича тогдашнему директору ПИНа академику Ю.А. Орлову от 30 ноября 1947 года. Из его содержания можно представить себе, как на начальном этапе создавалась фундаментальная, академическая палеоботаника в СССР и почему она стала такой, какой мы видим ее сегодня. Корни многих нынешних проблем уходят в те далекие годы.

Думается, если бы организационные идеи Криштофовича и его самоотверженные усилия в этом направлении были своевременно поддержаны советским научным истеблишментом, фундаментальная палеоботаника могла бы появиться в нашей стране по меньшей мере на пару десятилетий раньше. И мы бы не стали свидетелями провала попыток академических чиновников административным наскоком насадить па-

леоботанику в Палеонтологическом институте. Не увидели позорной деградации палеоботаники в столичном университете.

Академик А.А. Борисяк и его эволюционный проект

Обратимся к анналам истории отечественной науки.

В 1930 году в Москве, после переезда туда союзной Академии наук, был основан Палеонтологический институт АН СССР, который возглавил академик *Алексей Алексеевич Борисяк (1872–1944)*.

В отличие от многих своих коллег по Академии, Алексей Алексеевич, несомненно, был не только выдающимся ученым-энциклопедистом, теоретиком, организатором, популяризатором и историком науки, внесшим весомый вклад в палеонтологию, историческую геологию и тектонику. В его лице соединялись талантливый лектор и преподаватель. Он был автором известных учебников по геологии и палеонтологии, одним из первых сторонников и пропагандистов мобилистских идей Альфреда Вегенера в нашей стране.

Геолог и палеонтолог по образованию, сивший у ног выдающихся учителей – Е.С. Федорова, А.П. Карпинского, Ф.Н. Чернышева и палеонтолога-неоламаркиста Н.Н. Яковлева, Борисяк был яркой, многосторонне одаренной личностью. Под маской внешней сдержанности в глубине его души таился темперамент, напоминавший ренессансного Савонаролу. Борисяк был человеком страстей, партизаном великой идеи.

Было и еще одно обстоятельство, придававшее фигуре Борисяка оттенок величия и трагичности. Высокий интеллект и в то же время человек «длинной воли», конкретного дела, меломан, романтик и прогрессист, Борисяк еще со студенческих лет был обречен на быстрое угаса-

**Алексей Алексеевич Борисяк
(1872–1944)**

Академик АН СССР, лауреат Сталинской премии, главный организатор массовой палеонтологии в СССР, создатель и первый директор Палеонтологического Института АН СССР (1930), идеолог и главный организатор кафедры палеонтологии МГУ.

Считал палеонтологию эволюционной наукой *par excellence* (по преимуществу). По мысли Борисяка, сосредоточенная в стенах ПИНа массовая советская палеонтология должна в первую очередь изучать конкретные филогенезы, а избранные теоретики обобщать эти данные, устанавливая законы эволюции.

Кафедра палеонтологии МГУ должна быть мини-институтом, готовящим массового палеонтолога для нужд науки и народного хозяйства.

ние, причем не раз смерть ходила буквально рядом с ним. Силы его подтачивал туберкулез, приобретенный в сыром и холодном климате Петербурга. Но, как уже говорилось, в слабом, разрушавшемся теле горел неукротимый дух религиозного реформатора. В характере Борисяка ярко проявились типичные черты современного ему русского интеллигента: максимализм и жертвенность, принятие посланных судьбой страданий и готовность идти до конца.

Борисяк знал, что ему, быть может, недолго жить, что человек не просто смертен, а неожиданно смертен, и потому вынужден был спешить, торопиться. Экономя время и силы, он избегал споров и противоречий, не пускался в уговоры. Ему нужны были не оппоненты, а помощники, исполнители его замыслов, вроде тогда еще не академика *Юрия Александровича Орлова (1893–1966)*. Пусть не семи пядей во лбу, но преданные, а главное – добросовестные и исполнительные. Иных Борисяк возле себя не держал.

Алексей Алексеевич прекрасно разбирался в людях, трезво оценивал их деловые и человеческие качества. Был мастером, как сказали бы сейчас, психологических «манипуляций»: хорошо ладил с властью предрежащими, умело играл на честолюбии, людских страстях и комплексах, если того требовали интересы дела – помогал возвыситься, укорениться, но лишь при условии беспрекословного повиновения.

Борисяку как личности были свойственны высокая гражданственность, нелицемерный патриотизм и интеллигентская вера в творческие силы народа. Царский режим он не жаловал. Еще в студенческие годы впитал левые политические взгляды, сочувствовал социал-демократам и не только безоговорочно принял Февральскую революцию, но и Октябрьский переворот, и был вполне искренне убежден, что власть большевиков является наиболее последовательной революционной властью. Что только после установления большевистской диктатуры открылись небывалые возможности для научного творчества. По свидетельству гораздо более сдержанного в своих оценках Ю.А. Жемчужникова, Борисяку «импонировала революция, прежде всего открывшимися возможностями широкого научного творчества, и его особенно возмущал тот дух явного или скрытого саботажа, который царил тогда среди значительной части интеллигенции. Многие ученые, не понявшие момента, недоумевали, как это скромный и респектабельный, Алексей Алексеевич вдруг превратился в твердо

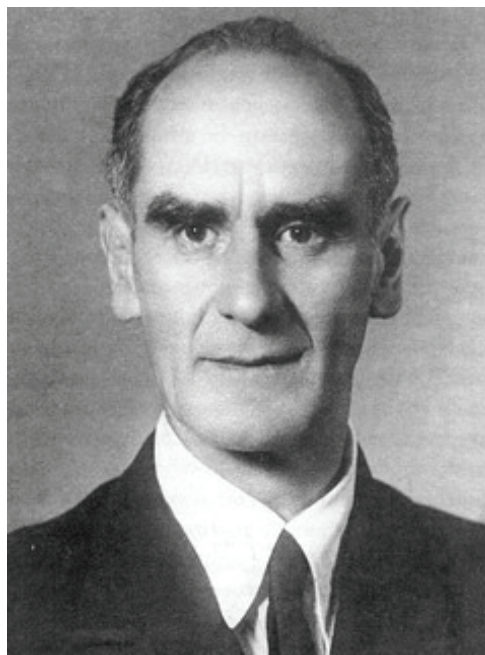
го глашатая большевизма. Противники часто говорили, что “при создавшихся условиях”, то есть при разрухе и голоде, нельзя научно работать. Но А.А. Борисяк, тогда уже 45-летний ученый с именем, считал, напротив, что сейчас-то и наступает период, благоприятный для творчества. И действительно, эти и последующие годы (1920–1924) были для него новым подъемом и одним из самых плодотворных периодов его творчества»¹.

Такая активная политическая позиция не могла не обратить на себя благожелательного внимания новых правителей России. И буквально через несколько лет А.А. Борисяк был возвышен и получил от большевистских вождей карт-бланш и уникальную возможность возглавить процесс создания новой массовой палеонтологии в стране. И отнесся к этой миссии весьма серьезно и ответственно, как это ему вообще было свойственно.

Главная организационная идея А.А. Борисяка состояла в том, что палеонтология – эволюционная наука *par excellence*, по преимуществу. Реконструируя филогенезы, она, в отличие от других дисциплин, изучает *реальную эволюцию*, то, как эта эволюция шла, насколько об этом можно судить по следам в геологической летописи. И в этом смысле ее положение среди других биологических дисциплин *уникально*.

По убеждению Борисяка, массовая советская наука, руководимая ареопагом «посвященных жрецов», академиков, создает исключительно благоприятные условия для развития палеонтологии. Масса рядовых палеонтологов, сосредоточенных в стенах Палеонтологического института АН СССР, изучает *конкретные филогенезы*. Немногие избранные, теоретики аккумулируют и анализируют результаты их труда, устанавливая эмпирическим путем *закономерности филогенезов, закономерности эволюции!*

«Мы находимся, – подчеркивал А.А. Борисяк, – в гораздо лучших условиях, чем Ковалевский, и в смысле богатства и разнообразия материала, и в смысле разработки методологии. Следуя Ковалевскому, мы можем сформулировать задачу палеонтолога следующим образом: используя палеобиологический, онтогенетический, палеоэкологический, литологический, стратиграфический и другие методы, реконструировать по ископаемым остаткам организм вместе с

Юрий Александрович Орлов
(1893–1966)

Академик АН СССР, кавалер ордена Ленина и двух орденов Трудового Красного знамени, правая рука и преемник А.А. Борисяка на посту директора ПИНа

Главный исполнитель организационных замыслов А.А. Борисяка. Своих идей не имел, но был искренне предан своему мэтру, который всячески его продвигал. При этом не был лишен амбиций и после смерти А.А. Борисяка не раз писал, что является фактическим основателем кафедры палеонтологии МГУ.

На свои средства начал строительство нового здания ПИНа и Палеонтологического музея в Москве.

Запомнился студентам и сотрудникам импозантной внешностью, панибратским поведением и грубоватым юмором.

При Орлове организационная программа Борисяка начала давать первые «сбои».

¹ Жемчужников Ю.А. А.А. Борисяк как человек и ученый // Памяти академика А.А. Борисяка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 24.

окружающей средой и устанавливать его генетические отношения с другими известными формами, имея конечной задачей построить по *фактическим* историческим документам *фактическую* картину эволюционных процессов.

Эту свою специфическую линию палеонтология проводит в совместной со сравнительной анатомией и эмбриологией работе по восстановлению истории органического мира. В эту общую работу она вносит проверку *фактом* наших филогенетических построений, являющихся базой для установления тех исторических законов эволюции, которые представляют конкретные выражения общих диалектических законов»².

Все это, естественно, легче всего было реализовать в рамках Биологического отделения союзной Академии, на чем категорически настаивали как сам Борисяк, так и его последователи.

* * *

По свидетельству непосредственно ученика А.А. Борисяка Р.Ф. Геккера, во вновь образованном ПИНе Алексей Алексеевич энергично принялся за «внедрение биологического метода в изучение ископаемых беспозвоночных, в этом отношении отстававшее от изучения позвоночных. Настоящая для этого возможность появилась после переезда института в Москву. Здесь в расширенные штаты института вошли московские палеонтологи, изучавшие кораллы, мшанки и брахиоподы; в институте были также начаты работы по аммонитам, пелециподам и фораминиферам. Новые сотрудники продолжали работать над своими группами, но направление их работ изменилось. В то время как до поступления в ПИН конечной целью их работ было описание новых форм и выделение из них руководящих для определения возраста, сейчас они получали дополнительно новые задания, которые ставились во главу угла: установить непосредственные филогенезы, выяснить функциональное значение отдельных органов или частей скелета, вскрыть связь ископаемого организма со средой его обитания, осветить, насколько это возможно, обстановку видообразования и установить закономерности эволюционного процесса»³.

² Борисяк А.А. Вступительное слово на открытии Палеонтологической секции Московского общества испытателей природы // Бюл. МОИП. Отд. геол. – 1945. – Т. 20. – Вып. 3–4. – С. 139.

³ Геккер Р.Ф. Алексей Алексеевич Борисяк (22.VII.1872 г. – 25.II.1944 г.) // Памяти академика А.А. Борисяка. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 16.

В этой программе обращает на себя внимание очевидный идейный крен в сторону изучения влияния среды и функционального значения органов и морфоструктур, в общем, не свойственные классическому дарвинизму и неodarвинизму. И, думается, отнюдь не случайно. Несмотря на подчеркнутое преклонение перед гением Ч. Дарвина, портрет которого освящал, как икона, рабочий кабинет Борисяка в ПИНе, Алексей Алексеевич вовсе не был таким строгим дарвинистом, как иногда хотел казаться: ему как умному, образованному человеку, теоретику эволюционизма, во многом импонировали идеи *неоламаркизма*. Он был горячим поклонником идей американского палеонтолога-неоламаркиста Г. Осборна, считая его труды едва ли не венцом палеонтологии своего времени. Благоговел перед Э. Копом, А. Хайэттом и некоторыми другими столпами эволюционизма недарвиновского толка в палеонтологии. Считал себя последователем и своего рода идейным преемником основателя эволюционной палеонтологии В.О. Ковалевского, тоже дававшего сильный идейный крен в сторону ламаркизма.

Каким образом все это могло уживаться в одной голове с плоским учением Ч. Дарвина о естественном отборе? Лукавил ли Борисяк? Во всяком случае, делал он это весьма интеллигентно, в духе приверженности идеям научного свободомыслия и академических вольностей, на которые молились лучшие представители российской науки его времени. Прежде всего, Борисяк подчеркивал, что перечисленные корифеи, кроме, возможно, Ковалевского, мировоззренчески чужды как ему самому, так и всей советской палеонтологии. Сам он, безусловно, материалист, диалектик, марксист. Однако установленные оными корифеями фундаментальные законы носят *эмпирический характер*, *объективны*, и в этом смысле не зависят от ошибочных теорий, исповедовавшихся установившими их авторами.

Вопрос о том, как, например, соотносится «закон неспециализированного» Э. Копса с дарвиновским учением об отборе наиболее приспособленных и, соответственно, последовательно специализированных форм он мудро обходил стороной. А вместо этого хвалил Дарвина за биологический эволюционизм, восхищаясь глубиной его учения о несовершенстве геологической летописи. Публично выражал солидарность с бывшими на слуху дарвинистическими теориями А.Н. Северцова и И.И. Шмальгаузена.

* * *

Важное место в организационных планах А.А. Борисяка занимала проблема подготовки кадров, прежде всего для «головного» Палеонтологического института союзной Академии. Этой цели должна была послужить кафедра палеонтологии столичного университета. При этом, по убеждению Алексея Алексеевича, такая «кафедра должна быть и не может не быть исследовательским институтом. Профессор должен быть прежде всего ученым, а уже затем он может быть и педагогом. Блестящим примером такой точки зрения, между прочим, может служить период преподавания петрографии в [Горном. – И.И.] институте знаменитым Е.С. Федоровым. Федоров был далеко не блестящий лектор и еще менее того педагог, но аудитория его была всегда полна, и за время его преподавания из института вышло такое количество петрографов, как никогда ранее»⁴.

Именно эту идею, после отказа Р.Ф. Геккера взять на себя руководство ее реализацией, будет воплощать Ю.А. Орлов при формировании кафедры палеонтологии МГУ. Что из этого вышло, будет сказано дальше.

Борисяк vs Криштофович, или острота непонимания

Организационная схема А.А. Борисяка мыслится *универсальной*, то есть должна была охватывать *всю палеонтологию*, а значит – *и палеоботанику*. Нужен был квалифицированный помощник, исполнитель, который бы уложил науку об ископаемых растениях в приготовленное для нее ложе. И здесь Алексей Алексеевич вспомнил об *Африкане Николаевиче Криштофовиче (1885–1953)*, который больше десятка лет успешно работал под его началом в Геолкоме и пользовался заслуженным авторитетом у коллег. Об авторе недавно вышедшего в свет первого отечественного учебника палеоботаники⁵.

Между ними состоялся разговор, в ходе которого Борисяк предложил Криштофовичу возглавить палеоботаническую составляющую своего проекта.

Позиция Африкана Николаевича известна по его переписке, в том числе благодаря публикуемому в настоящей статье письму. И состояла она

**Африкан Николаевич Криштофович
(1885–1953)**

Доктор геологических наук (1934), академик АН УССР (1945), член-корреспондент АН СССР (1953). Первый и главный организатор «массовой» палеоботаники в СССР.

Считал, что палеоботаника в СССР может и должна развиваться в разных направлениях в структуре госучреждений разной направленности.

При этом «геологическая» палеоботаника должна иметь преимущественно палеофитогеографическое и стратиграфическое направление.

«Биологическая» палеоботаника – изучать преимущественно анатомию и систематику ископаемых растений.

«Фундаментальная» палеоботаника – сосредоточиться на методических, теоретических вопросах и закрытии «белых пятен» в геологической последовательности флор.

Не поддержал идею А.А. Борисяка о создании эволюционной палеонтологии в ПИНе как «искусственную», что, в конечном счете, не позволило заложить основы фундаментальной палеоботаники в этом институте.

⁴ Борисяк А.А. По поводу празднования 150-летия Горного института // Природа. – 1926. – № 3–4. – С. 64.

⁵ Криштофович А.Н. Курс палеоботаники. – Л.: М.: КУБУЧ, 1928. – 179 с.

**Николай Николаевич Крамаренко
(1921–1997)**

Кандидат биологических наук, специалист по трилобитам ордовика, заместитель и преемник Ю.А. Орлова на посту директора ПИНа в 1966–1975 годах.

Имел научные заслуги не меньшие, чем у Ю.А. Орлова.

Занимался преимущественно организационно-хозяйственной деятельностью. Вынес на своих плечах основную тяжесть строительства нового здания ПИНа и Палеонтологического музея.

При «крепком хозяйственнике» Крамаренко организационная программа А.А. Борисяка потерпела окончательный провал, превратившись в мелочное описание различных групп вымерших животных.

Имя и заслуги Н.Н. Крамаренко перед отечественной палеонтологией замалчивались последующим руководством ПИНа.

в следующем. Генеральную идею Борисяка о филогенезах он не поддержал, находя ее искусственной. По мнению Криштофовича, в ПИНе нужно развивать *фундаментальную палеоботанику*, углублять ее основы, закладывать методологическую базу, закрывать «белые пятна». Эволюция и ее законы – пусть и исключительно важное, но лишь одно из направлений исследований.

Не разделил он и энтузиазма Борисяка по поводу массовой палеонтологии, «героев»-теоретиков и «толпы» исполнителей. Вместо этого А.Н. Криштофович ставил вопрос о концентрации на фундаментальных направлениях лучших из имевшихся палеоботанических сил страны и, конечно, о необходимости налаживания системы подготовки высококвалифицированных кадров. Оценка Африканом Николаевичем научного потенциала действовавших в то время отечественных палеоботаников, включая его ближайших учеников, была довольно пессимистической. Крупных теоретических обобщений он от них, во всяком случае, не ждал.

Эти разногласия с влиятельным академиком дорого обошлись Африкану Николаевичу, рикшетом ударив по развитию фундаментальной, академической палеоботаники в стране. Внешне разговор окончился вполне миролюбиво. Борисяк, давно овладевший как всякий опытный политик лукавым искусством думать одно, говорить другое, а делать третье, чтобы усыпить всякие подозрения своего визави предложил даже взять в аспирантуру ПИНа его ученицу Т.Н. Байковскую. Но оргвыводы сделал вполне определенные. Криштофович был отставлен от проекта раз и навсегда, как и его люди. Чужими руками, естественно. Байковскую не утвердил в аспирантах Ученый совет ПИНа. Все дальнейшие переговоры с Криштофовичем были прекращены, а самого Африкана Николаевича даже через два года после смерти Борисяка «не пустили» в ряды союзных академиков. Написанная им статья в сборник «Памяти академика А.А. Борисяка» (1949 г.) по так и оставшимся ему неизвестными причинам также не увидела света.

Не буду касаться нравственной стороны этой коллизии. О нравах в Академии известно и не такое. К тому же, в религиозных по сути дела спорах, идет ли речь о догматах веры или научных доктринах, обычно историю пишет тот, кто тем или иным путем оказался в «победителях». Хотя такой «суд истории», «суд победителей» – всегда жесток и несправедлив в отношении «пообежденных».

Но глядя с исторической дистанции прошедших десятилетий, вполне можно оценить, кто был на самом деле прав в этом споре двух великих организаторов отечественной палеонтологии – А.А. Борисяка и А.Н. Криштофовича.

Модель Борисяка: первые трещины

Организационная модель Борисяка обнаружила свою несостоятельность уже при жизни первых двух поколений «массовых палеонтологов» ПИНа. «Дополнительные новые задания» пришлись им явно не по вкусу и не по силам. Массовый палеонтолог, независимо от свойственного ему от природы самомнения и амбиций – всегда посредственность, «зауряд-палеонтолог», способный на приличном уровне реализовывать лишь самые простые исследовательские задачи. Реконструкция любых филогенезов – задача сложная, нетривиальная, требующая обширных, разноплановых знаний, владения широким спектром исследовательских методик и наличия определенных творческих способностей. По большому «гамбургскому» счету, это поле для деятельности ученой элиты. Не удивительно, что благие эволюционные пожелания А.А. Борисяка на уровне конкретных исполнителей быстро выродились в рутинное изучение конкретных групп организмов. И это положение сохраняется в Палеонтологическом институте до сих пор. Именно отсюда в ПИНе занимаются «группами», а не фаунами и флорами. Чтобы оправдать это, сложился даже исторический миф о том, что в этом обращении к фактуре, конкретике и заключалась якобы задумка Борисяка.

Великих обобщений «массового продукта» также не последовало – *попросту не хватило интеллектуального ресурса*. Что, впрочем, опять же не вызывает удивления. Палеонтология, как и палеоботаника, – типичная «малая наука». Работающих специалистов *мало*. И если, как поется в известной песне В. Высоцкого, в «больших» науках, вроде физики, способных теоретиков «четыре на миллион», то в той же палеоботанике их относительное количество еще меньше.

Отдельные выдающиеся достижения «программы Борисяка», вроде созданной под руководством Р.Ф. Геккером палеоэкологии, оказались, с одной стороны, в изоляции от остальных исследований института. А с другой – растащены по кусочкам «массовым палеонтологом». В качестве «изюминки» для своих безыдейных «квалификационных» и описательных работ. Немногие

исключения из этого правила принадлежат людям, несомненно, выдающимся (В.В. Жерихин и др.), судьба которых в ПИНе никогда не была простой, а подчас складывалась просто трагически.

Быстро выродилось и назначенное с благословения А.А. Борисяка руководство института. Никакого механизма смены, который бы обеспечивал повышение или хотя бы сохранение научного уровня руководителей, кроме бюрократических игр вокруг дирекции института и академических пасьянсов, он не предусмотрел.

Преемником Борисяка на посту директора ПИНа стал Ю.А. Орлов, который, по красноречивому свидетельству Р.Ф. Геккера, «не был рожден администратором, и время не помогло ему стать таковым»⁶. Эту личностную свою проблему он решил вполне по-борисяковски: приблизил к себе научного сотрудника, кандидата наук, специалиста по трилобитам, проявлявшего склонность и расторопность в административно-хозяйственных делах, – *Николая Николаевича Крамаренко (1921–1997)*. Тот и сменил его на посту директора ПИНа. Характерно, что эта схема смены власти повторялась и в дальнейшем: на смену ученому приходил хозяйственник или торговец.

Палеоботаника в ПИНе: неудавшийся эксперимент

А что же палеоботаника в ПИНе?

«Проклятая» Борисяком в лице А.Н. Криштофовича, она еще более полувека не могла переступить порог ПИНа. В эти годы в институте волею судеб появлялись отдельные личности (Л.И. Фотьянова, Н.М. Макулбеков, Н.П. Маслова), оценка деятельности которых наиболее авторитетными отечественными палеоботаниками тех лет (В.А. Вахрамеев, С.В. Мейен и др.) была, мягко говоря, не положительной. Воздержусь от цитирования конкретных формулировок, ибо они уничижительны.

В конце 1986 года намерение основать в ПИНе новую палеоботаническую лабораторию под идеи своей концепции макроэволюции у высших растений высказывал и пытался реализовать *Сергей Викторович Мейен (1935–1987)*. Но не успел. Будучи уже тяжело больным он вел переговоры об этом с тогдашним директором

⁶ Палеонтологический альманах. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – С. 26.

Сергей Викторович Мейен
(1935–1987)

Крупнейший палеоботаник второй половины XX столетия. Преемник В.А. Вахрамеева на посту заведующего лаборатории палеофлористики Геологического института АН СССР.

В 1987 году незадолго до своей безвременной кончины планировал перейти с группой ближайших учеников в Палеонтологический институт РАН и создать там палеоботаническую лабораторию. Идейной основой ее работы должно была стать изучение закономерностей глобального флорогенеза и макроэволюции у высших растений.

Была достигнута соответствующая договоренность с директором Палеонтологического института А.Ю. Розановым, который, после кончины Мейена, свои обещания не выполнил.

ПИНа, своим приятелем А.Ю. Розановым. И получил от него заверения в поддержке, которые тот впоследствии цинично не выполнил, нарушив обещания, данные им умиравшему Мейену⁷.

Ситуация неожиданно изменилась в 1994 году, когда то ли укоры совести или что-то иное (вряд ли наука) все же мотивировали А.Ю. Розанова на организацию в ПИНе палеоботанической лаборатории. Правда, совсем не той, о которой он договаривался с С.В. Мейеном. И то, как именно это было сделано, фактически стало причиной неуспеха всего начинания. Верю, что Розанов хотел «как лучше», то есть «все и сразу», но получилось, увы, в соответствии с крылатым выражением – «как всегда».

По представлениям Розанова, лаборатория могла быть создана только под какого-то научного лидера, желательно с высокими учеными степенями. И в 1994-м такой светоч неожиданно объявился в Москве в лице *Валентина Абрамовича Красилов* (1937–2015), который к тому времени оказался не у дел, немирно расставшись с постом директора Всесоюзного научно-исследовательского института охраны природы и заповедного дела.

Выбор А.Ю. Розановым кандидатуры В.А. Красилова был чрезвычайно неудачен сразу в нескольких отношениях.

В тесном отечественном палеоботаническом мирке тяжелый, шизоидный характер и ярко выраженные нарциссические наклонности Красилова давно уже стали притчей во языцех. Его отношение к людям явно оставляло желать лучшего. Палеоботаники и палинологи, которыми он в течение почти двух десятков лет руководил в Биолого-почвенном институте ДВНЦ АН СССР, как и вообще все, на его взгляд, не отмеченные особыми талантами возделыватели научной нивы, были им в лучшем случае терпимы, но в душе всегда презираемы и пренебрегаемы.

В стенах своей дальневосточной лаборатории Красилов, если воспользоваться известным зоопсихологическим сравнением, вел себя как типичный доминантный самец. Сотрудники мужского пола, в том числе потенциальные ученики, с ним вообще не уживались. Женского – нередко становились объектом весьма настойчивого не имеющего отношения к науке внимания.

⁷ Подробнее см.: Игнатьев И.А. С.В. Мейен: штрихи к портрету // In memoriam. С.В. Мейен: палеоботаник, эволюционист, мыслитель. – М.: ГЕОС, 2007. – С. 42–44.

В Институте охраны природы дело дошло до того, что сотрудники в массовом порядке перестали с ним здороваться.

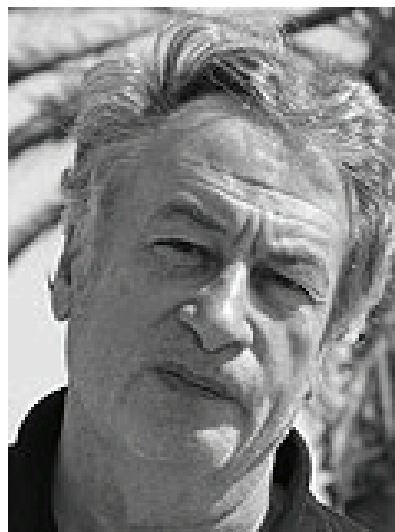
Совсем иным было его отношение к сильным мира сего и представителям научной элиты. Здесь он вел себя прилично, даже предупредительно. Был полезен, старался соблюдать политес и показную доброжелательность, под маской которых, впрочем, скрывались все те же inferнальные глубины.

Высоким интеллектуалам, вроде С.В. Мейена, Валентин Абрамович завидовал. Причем будучи вынужденным скрывать это годами, не находя разрядки своим эмоциям, выплескивал накопившуюся злобу на более слабых. И делал это все более люто, жгуче, непримиримо. Считал себя обобраным, оболганным и недооцененным.

К концу 1980-х В.А. Красилов стал фактически «нерукопожатным», *persona non grata* в крупнейших палеоботанических ячейках Москвы и Ленинграда. Не в последнюю очередь из-за своего поведения, которое С.В. Мейен в личных беседах называл не иначе, как *хамским*. Сам Красилов, естественно, потомком Хама себя не считал и объяснял это завистью и недоброжелательством к светлому гению со стороны научной серости.

Послужной список В.А. Красилова вроде бы тоже должен был насторожить А.Ю. Розанова. «Великий человек» дважды в личных видах без видимого сожаления бросал на произвол судьбы возглавлявшиеся им научные коллективы. Короле говорю, был типичным предателем.

В корне порочна была организационная схема, по которой обычно действовал Красилов. Историки и политологи давно заметили, что «когда в государстве все строится под одного человека, то с его уходом обычно вся конструкция власти разрушается»⁸. И приводили примеры от Ивана Грозного до нынешнего «хозяина Кремля». Аналогичные выводы сделали специалисты по истории и организации науки. Ими было замечено, что подразделения, научные коллективы, работа которых строится вокруг одного человека, обычно их начальника, чьи научные интересы «обслуживают» остальные сотрудники, слабо развиваются, подвержены кризисам и существуют недолго. Работники такой структуры во многих случаях так и не становятся самостоятельными, творчески работающими исследователями, стра-

Валентин Абрамович Красилов
(1937–2015)

Один из наиболее ярких и оригинальных палеоботаников последних десятилетий не только в нашем Отечестве, но, наверное, и в мире. Заведующий созданной в 1994 году палеоботанической лаборатории ПИНа.

Романтик и антипедант, полный сознания своей исключительности, он пытался организовать работу лаборатории «под себя», под свои текущие предпочтения и интересы. Набранные с его подачи «массовые палеоботаники» должны были доставлять ему материал для обобщений.

После его эмиграции и кончины в Хайфе (Израиль) эта организационная схема предсказуемо рухнула, хотя формально подразделение существует до сих пор.

⁸ Козляков В.Н. Борис Годунов. – М.: Молодая гвардия, 2011. – С. 141.

дают безыдейностью и непреодолимой зависимостью от своего «шефа». Старение, смерть или уход от дел такого лидера, как правило, приводят к тяжелому кризису и даже распаду возглавлявшегося им подразделения⁹. В рассматриваемом случае трагичность ситуации усугублялась тем, что В.А. Красилов с его гипертрофированным сознанием своей исключительности иначе руководить вообще не мог.

Несмотря на все свои таланты, Красилов – выпускник Харьковского университета – не прошел хорошей палеоботанической школы и, в силу перечисленных выше личностных особенностей, не создал своей. По выражению С.В. Мейена, по интеллектуальному складу он был «романтик и антипедант», влекомый своими внутренними позывами, поветриями извне и даже элементарными капризами. К засорению им палеоботанической литературы фантастическими гипотезами и интерпретациями он относился с олимпийской легкостью («очень хотелось опубликовать»).

Все эти непростые обстоятельства должен был знать и учитывать А.Ю. Розанов, но увы... В результате описанная выше порочная организационная схема была *de facto* им не только санкционирована, но и реализована на практике.

В то время Красилов носился с идеей, что самым перспективным направлением современных палеоботанических исследований является изучение строения оболочек спор и пыльцы ископаемых растений. И Розанов, ничтоже сумняшеся, позволил ему набрать в создаваемую лабораторию сразу трех выпускников кафедры высших растений биофака МГУ, обученных резать пыль-

цевые зерна для исследования под ТЭМ (С.А. Афонина, М.В. Теклеву и Н.Е. Завьялову). Чем они, собственно, и занялись под эгидой и в текущих интересах В.А. Красилова.

В последующие годы лаборатория медленно прирастала молодыми кадрами, но странные это были приобретения. Например, неожиданно «всплыл» воспользовавшийся случаем «защепиться» в Москве бесцветный выпускник третьего-разрядного сибирского вуза (с недавних пор «университета»). При этом пострадала женщина, рекомендовавшая его в аспирантуру ПИНа с условием возвращения в *alma mater*. Позднее в штате лаборатории появились откровенно девиантные личности.

Из двух упомянутых выше молодых сотрудников мужского пола, оказавшихся в подчинении у В.А. Красилова, один – глубоко закомплексованный, морально надломленный парень, которого он, к тому же, исподволь унижал, вскоре покинул стены ПИНа, найдя себя в процветающей торговле антиквариатом. Другой, став аспирантом мэтра, был до такой степени подавлен его неповторимой индивидуальностью, что смог удержаться в лаборатории лишь на правах жалкого «омеги». Делать из него самостоятельного исследователя, не дай Бог сравнимого с собой любимым, Валентин Абрамович явно не собирался. Иначе откуда бы развились у его питомца удручающая безыдейность, слабое знакомство с базовыми палеоботаническими методиками, как и сомнительная привычка через начальство пытаться заполучить в свое распоряжение материалы из чужих коллекций.

Зато ничем не сдерживаемое влечение великого человека обернулось быстрым, прямо-таки «взрывным» ростом научного потенциала ранее не проявлявшей интеллектуальных способностей лаборантки, превратившейся в одночасье в доктор наук и ведущего научного сотрудника.

Впрочем, всем молодым сотрудникам Красиловской лаборатории с благословения А.Ю. Розанова обеспечили быструю защиту кандидатских диссертаций. Очень помог в этом сотрудник и «клиент» Розанова профессор А.С. Алексеев, курировавший кандидатские диссертации в ВАКе.

С.В. Мейен считал, что молодому палеоботанику после окончания вуза нужно не менее пяти-семи лет на то, чтобы под руководством опытного наставника приобрести необходимый практический опыт и начать самостоятельные исследования. До этого говорить о каких-либо защитах

⁹ Как справедливо отмечал в свое время С.В. Мейен, «лаборатория не должна только обслуживать интересы своего лидера, ее сотрудник должны иметь высокую степень самостоятельности в выборе исследовательских тем и высокую степень свободы в выборе средств для достижения целей. Хороший руководитель лаборатории может вдохновлять своих сотрудников на выбор тематики и методов работы, но он лишает лабораторию будущего, если становится диктатором или просто недостаточно стремится поднять своих сотрудников до максимально высокого уровня, который только и может обеспечить сочетание разумной инициативы с высшим потенциалом творчества» [Мейен С.В. Памяти В.А. Вахрамеева // Сб. памяти чл.-кор. АН СССР, проф. Всеволода Андреевича Вахрамеева (к 90-летию со дня рождения). – М.: ГЕОС, 2002. – С. 62]. Мейен видел в этом залог сохранения лабораторией «активности и силы и после ухода ее создателя» [там же].

неприлично. Действительно, палеоботаническое знание является глубоко «личностным» в понимании М. Полани¹⁰. Передается во многом «из рук в руки», от учителя к ученику, в ходе живого общения, совместного анализа материала и обсуждения возникающих проблем. Все это требует длительного периода ученичества.

Но поднаторевший в манипуляциях людьми, тонкий знаток их слабостей и пороков академик А.Ю. Розанов смотрел на дело по-другому. Управлять зависимыми от тебя людьми, к тому же повязанными с тобой некой постыдной тайной, гораздо легче, чем внутренне независимыми, самостоятельно мыслящими субъектами научной деятельности. Незрелая, местами безграмотная кандидатская, «слепленная» из дефектного материала неумелыми руками «полуфабриката» с вузовским дипломом, в некоторых академических институтах фактически давно превратилась в своего рода «аванс», «прописку», тест на лояльность начальству. И, конечно, залог будущей управляемости молодого человека. Эта система моральной коррупции и рабства молодых ученых действовала и действует почти безотказно. Да и не только молодых, как показывает пример упоминавшейся выше лаборантки.

Так продолжалось до 2001 года, когда В.А. Красилов в своем обычном ключе по личным обстоятельствам бросил лабораторию и переехал на постоянное место жительства в Израиль. Там, в Институте эволюции Университета г. Хайфа он вплоть до своей кончины «рулил» уже третьей по счету палеоботанической лабораторией. Изредка наведывался в Москву. На международных палеоботанических мероприятиях появлялся мрачный, необщительный, в окружении стайки молоденьких обитательниц Земли обетованной...

При этом до 2006 года В.А. Красилов продолжал числиться заведующим палеоботанической лабораторией ПИНа, фактически не исполняя никаких должностных обязанностей. Затем его также тихо перевели в главные научные сотрудники.

После отъезда Красилова с палеоботанической лабораторией ПИНа произошло то самое, что уже не раз было описано науковедами и специалистами по организации науки. Две остававшиеся в ее составе «резчицы пыльцы» нашли се-

бя на мелких административных должностях у А.Ю. Розанова. Попутно занимаясь поиском лиц, способных заменить ушедшего за кордон мэтра, точнее, дать материал для резки и, конечно, руководящие идеи и интерпретации. Еще одна «обитательница миража» нашла себя на семейной ниве, успев, однако, «обогащать» науку описанием нескольких сомнительных таксонов и фантастических структур...

Одним словом, воссоздать палеоботаническую лабораторию в ПИНе если и возможно, то только с другими людьми и на совершенно иных основаниях.

Палеоботаническая история одной кафедры

Столь же грустная, хотя и несколько иная история приключилась с палеоботаникой в стенах еще одного «детища» А.А. Борисяка – кафедры палеонтологии МГУ.

Первые три года ее существования (1939–1943) Алексей Алексеевич лично возглавлял кафедру. Но гора дел все больше давила тяжело больного академика. Вожжи выпадали из слабых рук. Нужен был сменщик. После отказа Р.Ф. Геккера, делами кафедры вызвался заниматься Ю.А. Орлов, который (правда, после смерти Борисяка) не раз публично заявлял, что является *фактическим* основателем кафедры. Хотя с таким же основанием мог бы заявить о себе как о фактическом создателе архитектурного шедевра подрядчик на стройке, возглавлявшийся Витрувием, Леонардо или кем-то еще из великих архитекторов и зодчих. За одним, правда, отличием: кафедра изначально была далеко не шедевром.

Орлов руководил кафедрой больше двух десятков лет (1943–1966 гг.). По свидетельству хорошо знавшего и любившего его Б.Т. Янина, педагогическая работа всегда привлекала Орлова «возможностью постоянно общаться с молодежью, настроения и запросы которой были ему близки и понятны. Главным он считал тот след, который оставляет учитель в своих учениках. Сам он достигал этого благодаря природным способностям, демократическому стилю общения и, не в меньшей степени, тонкому чувству юмора. <...>

На лекциях, которые всегда вызывали у него ощущение творчества и реальной отдачи знаний слушателям, он покорял студентов энергией, обширными знаниями не только в палеонтоло-

¹⁰ Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.

гии, но и в других естественных науках. Он говорил: недостаточно любить науку, необходимо любить человека, который этой наукой занимается. <...>

О себе Юрий Александрович говорил, что у него “университетская душа”, что он любит МГУ – “свой второй дом”¹¹.

Наряду с этими неоспоримыми достоинствами, были у Орлова и серьезные проблемы, отрицательно сказавшиеся на его педагогической деятельности.

Человек, несомненно, эрудированный, опытный преподаватель Ю.А. Орлов не был в то же время научным лидером, ученым мирового уровня, в чем легко убедиться, например, пролистав список его опубликованных работ. Значительные оригинальные обобщения, прорывные исследования в этом перечне отсутствуют. Эрудиция помогала в преподавании, требовавшем знакомства с устоявшимся, надежно обоснованным (или считавшимся таковым) знанием, но палеонтология Орлова – это палеонтология образца конца XIX – начала XX столетия. Обучить основам исследовательской деятельности оно не могло.

Для «мини-института» в представлении Борисяка фигура Орлова не вполне подходила. Как ученый Орлов пытался подражать своему покровителю Борисяку, но безуспешно – тот действительно был высоким профессионалом, исследователем широкого профиля, теоретиком, объединявшим в своем лице философию и методологию науки с исторической рефлексией, и к тому же – далеко превосходил своего подопечного разнообразными талантами. Пусть и не был Алексей Алексеевич столь же демократичен в общении со студентами, не находил вкуса в их пошловатом юморе, как и не обладал харизмой, излучавшейся Юрием Александровичем.

Не был Орлов, как уже отмечалось, и хорошим администратором, организатором. Этот круг обязанностей сковывал его и тяготил.

Кроме того, в отличие от цельного, уверенного в своей правоте Борисяка, Ю.А. Орлов страдал ярко выраженным «комплексом Иуды». Возникшим, насколько можно судить, на почве его, мягко скажем, не очень красивого, весьма напоминавшего предательство бегства от прежнего благодетеля – гистолога А.А. Заварзина под кры-

ло к пребывавшему в фаворе у властей А.А. Борисяку¹². Глубокое чувство вины Орлов компенсировал самоотверженной личной преданностью новому покровителю.

А потому, формируя вновь создаваемую Борисяком кафедру, Ю.А. Орлов, как мог, строго придерживался его программных установок.

И напрасно! Были в этой схеме откровенные «проколы» и «узкие места», которые следовало изменить, дополнить, творчески доработать. Начать с того, что само сравнение Борисяком создаваемой кафедры с дореволюционной кафедрой Е.С. Федорова даже внешне выглядело уязвимым. Не говоря о профессоре, студенты и преподаватели кафедры Федорова по уровню развития и менталитету существенно отличались от своих собратьев образца 1939 года. То был более качественный, «штучный товар». Большевицкая власть, подавив старую профессуру, ликвидиро-

¹² В известной популярной книжке Ю.А. Орлова «В мире древних животных» (М.: Изд-во АН СССР, 1961) этот эпизод его жизни описан в несколько романтических тонах. Дескать, по своей провинциальной застенчивости Орлов «как-то не сумел подойти к палеонтологии вплотную» (с. 7). Жизнь сложилась так, что он «занялся палеонтологией лишь после того, как, получив в основном зоологическое образование, пробыл в вузах десять лет преподавателем гистологии и эмбриологии» (там же). Виной резкой смены вех стало непреодолимое влечение «из мрачного здания анатомического института с его банками, склянками и формалиновыми препаратами на природу; влекло к истории Жизни» (там же). Нашелся и «змей-искуситель» в лице профессора-геолога П.И. Преображенского, подтолкнувшего застенчивого Орлова на этот путь ранней весной 1925 года. Все складывалось непросто. Новый Адам Орлов, как и его библейский прародитель, был раздираем сомнениями. «Но... как решиться? <...> бросить научную работу у своего любимого шефа – крупного биолога. <...> Поставить на карту все, даже... материальное положение семьи?» (с. 8). Но искус оказался слишком велик, а позаботиться о делах материальных пообещал влиятельный А.А. Борисяк. В этом пассаже имя Борисяка, как и бывшего шефа Орлова А.А. Заварзина, в полном соответствии с психоаналитической концепцией З. Фрейда, не упоминается, будучи вытеснено в глубины орловского бессознательного. Зато в окружении Заварзина неожиданное бегство Орлова к Борисяку было однозначно расценено как предательство. И не без основания. А.А. Заварзин в течение больше десятка лет покровительствовал и продвигал Орлова, рассчитывая на него. И многое сделал для будущего академика во время эвакуации из Перми в Томск вместе с отступающими частями колчаковских войск. Про это Орлов также предпочитал не вспоминать.

¹¹ Янин Б.Т. Основные этапы развития палеонтологии в Московском университете // Палеонтологический альманах. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – С. 26.

вав сословность и выдвинув на передний план выходцев из рабочей среды, тем самым существенно «понижила планку». На авансцену науки и образования хлынула массовая посредственность – малокультурная, обделенная в интеллектуальном плане, беспринципная, не слишком отягощенная веригами морали и чести, и при всем том завистливая, пробивная, жадная до статусных привилегий и материальных благ. Представителей и выходцев из старых образованных классов можно было только пожалеть.

Схема А.А. Борисяка не предусматривала эффективных механизмов подготовки и повышения квалификации преподавательских кадров, защиты создаваемой структуры от семейственности, коррупции, бюрократизации и других негативных проявлений. Предполагалось, что за всем этим будет следить бдительный, мудрый заведующий и своевременно решать возникающие проблемы через факультетское и более высокое начальство. Что делать в том случае, если таким главой кафедры окажется не великий Евграф Степанович Федоров, а проникшая на его место советская серость – Борисяк своим потомкам не заповедал. Он был романтик, идеолог и такими низкими вопросами не задавался. Зато он свято верил в прогресс, в нового, все более совершенного человека, в высвобождение веками скрытых под спудом гигантских сил народной массы.

Результат был весьма предсказуем.

От величественной, пусть и во многом декларативной программы Борисяка по изучению реальной эволюции в головах кафедральных аборигенов остался лишь мутный миф о неких «традициях углубленного биологического подхода», которые якобы заложил в их гены незабвенный Ю.А. Орлов. Этот жупел, подобно козырной карте, достается ими из рукава всякий раз, когда обитатели кафедры желают напомнить начальству о своей значимости и племенной исключительности. И такая исключительность есть, но совсем другого сорта. Стайная агрессивность, нападение и оборона, клич киплинговских бандерлогов «Мы самые лучшие!» сопровождают кафедру всю ее недолгую, бесславную историю зарвавшегося коротышки.

* * *

Процесс постепенной деградации кафедры хорошо виден на примере развития кафедральной палеоботаники.

Вначале палеоботанический курс читал выходец с биофака МГУ – *Лев Мельхиседекович Кречетович*

(1878–1956), как скромно свидетельствует «Википедия», – профессор ботаники, методист преподавания этой науки и хранитель гербария Московского университета.

Палеоботаником Кречетович не был, хотя предметом интересовался еще с дореволюционных времен и даже перевел с английского популярную книжку Д.Г. Скотта «Эволюция растений» (1914 г.). Иными словами, научить исследовательской палеоботанике Лев Мельхиседекович не мог, поскольку почти или совсем не имел соответствующего опыта, а лекции его носили компилятивный характер. В концептуальном плане они в лучшем случае соответствовали теоретическому уровню, достигнутому палеоботаникой в начале XX столетия. К тому же, был Кречетович стар, устал от жизни и многочисленных своих обязанностей.

После его кончины эстафетная палочка преподавания палеоботаники на кафедре неожиданно оказалась в руках *Тамары Антоновны Якубовской* (1916–1989). Она читала курс палеоботаники свыше двух десятков лет (1956–1976), нанеся серьезный урон преподаванию и не подготовив ни одного сколько-нибудь заметного палеоботаника для страны, (как, впрочем, и своего преемника на кафедре). Лекции ее и практические занятия отличались крайней легкостью мысли и убогим содержанием.

Это, впрочем, не помешало Тамаре Антоновне, когда потребовало начальство, слепить для нетребовательных студентов-третьекурсников новый курс «Методы палеоботанических исследований», в которых она, впрочем, не понимала, судя по всему, ничего или почти ничего. Сначала она вела этот «курс» одна, а затем разделила тощую ношу с Н.О. Рыбаковой и С.Б. Смирновой, которые взяли на себя чтение лекций и практические занятия по палинологии.

Профессиональный опыт Т.А. Якубовской был весьма ограничен и однобок. Исследовательская составляющая в нем практически отсутствовала. Окончив в 1949 году Одесский (бывший Новороссийский) университет она на 4-м и 5-м курсах слушала лекции наезжавшего для этого в *alma mater* А.Н. Криштофовича. Корпулентная, сексапильная женщина, пользовавшаяся стойким вниманием стареющих мужчин, она произвела неотразимое впечатление на мэтра, и благодаря тому не только осталась при университете, но и пару лет читала там лекции по палеоботанике, материалы к которым были переданы ей Криштофовичем. У него же импозантная

Тамара Антоновна быстренько защитила кандидатскую диссертацию. И после этого, по рекомендации все того же Криштофовича в 1953 году была приглашена Ю.А. Орловым для работы на кафедру палеонтологии МГУ – редкая удача для не имевшей научных заслуг и ученых дарований провинциалки. Ей повезло: в отличие от А.Ю. Розанова, Орлов свято выполнил предсмертную просьбу Африкана Николаевича.

В 1960-е – 1980-е годы основным учебником палеоботаники на кафедре оставалось 4-е издание «Палеоботаники» А.Н. Криштофовича (1957 г.), к подготовке которого Т.А. Якубовская по причине отсутствия необходимых знаний и навыков не имела отношения. Зато в 1961 году в соавторстве с В.В. Друщицем она подготовила «Палеоботанический атлас», правда, существенно устаревший уже на момент выхода в свет.

И после ухода на пенсию (1976 г.) Тамара Антоновна не оставила своим вниманием учебный процесс, что позволило ей не без приятности для себя оставаться активным членом Интерсовета геологического факультета и отвечать на кафедре за работу с иностранными студентами. При этом она «принимала участие в чтении лекций и проведении занятий по разделу “Покрытосеменные”»¹³.

Занятия эти, на которых мне пришлось в свое время присутствовать, в содержательном отношении совершенно пустые, представляли, однако, значительный интерес в плане сугубо личных отношений Якубовской с А.Н. Криштофовичем. О них Тамара Антоновна, подзуживаемая любопытными студентками, рассказывала подробно, откровенно, местами даже с придыханием. Непродолжительный роман со стареющим Криштофовичем был, по-видимому, самым ярким и, как оказалось, судьбоносным эпизодом в жизни Т.А. Якубовской. Положение последней любви и музы великого человека тешило ее самолюбие и поднимало в собственных глазах, придавая в общем-то пустой, заурядной жизни неожиданно высокий смысл. Ведь кто не знает имен Натальи Гончаровой или «последней любви Бальзака» панны Эвелины Ганской!

В остальном частная жизнь Т.А. Якубовской на заслуженном отдыхе была ключом. Она «продолжала вести активный образ жизни. Являясь членом клуба ученых МГУ, <...> интересовалась литературой, искусством и туризмом»¹⁴.

¹³ Янин Б.Т. Палеонтологический альманах. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – С. 39.

¹⁴ Там же.

А тем временем в тени стареющей красавицы на кафедре появился и долгое время прозябал в безвестности другой палеоботаник – *Алевтина Львовна Юрина (1931 г.р.)*.

Выпускница кафедры палеонтологии (1954 г.) Юрина до 1964 года трудилась в Центрально-казахстанской экспедиции МГУ, где ее начальник – А.А. Богданов, видный тектонист, сориентировал ее на определение девонских растений для целей стратиграфии континентальных отложений Казахстана. Здесь же ей пришлось впервые «испытать до дна» чашу противостояния с «конкурирующей фирмой» в лице упорной М.А. Сенкевич. Обе постоянно ссорившиеся, жаловавшиеся друг на друга дамы так надоели жизненнолюбцу Богданову, что он даже разделил их территориально, по карте, по тектоническому разлому. По одну сторону от него флору определяла Юрина, по другую – Сенкевич. Вся эта история вряд ли пошла на пользу Юриной как специалисту: так точатся зубы и когти, но не приобретаются необходимые для работы в науке знания и навыки.

Палеоботаническая подготовка А.Л. Юриной ограничивалась бесполезными занятиями Т.А. Якубовской и довольно случайным чтением. Возникшие в результате серьезные пробелы, особенно в части интерпретации морфологических структур, проблемах современной систематики и филологии растений, не были заполнены Алевтиной Львовной и в последующие годы. Как уже говорилось, палеоботанике не научишься по учебникам. Палеоботаник-ученый, исследователь работает там, где наше знание кончается или становится зыбким, слабо обоснованным. Ученый должен быть готов и уметь действовать в этой ситуации. Задача преподавателя, напротив, – доносить «школьное», проверенное знание до учащихся. Следя за новейшими успехами ученых и при необходимости обновляя за счет этого читаемый курс.

Попытки А.А. Борисяка и его единомышленников «скрестить» ученого с преподавателем были заранее обречены на провал: настоящий ученый – методологизирующий скептик, создатель нового знания, преподаватель – профессиональный догматик, охраняющий свой авторитет внеучеными методами.

В результате, Юрина так и не стала ученым, а ее преподавание носило довольно безжизненный, схематичный характер. Обращаться к ней за решением научных, исследовательских проблем было, в общем-то бесполезно, что очень чувст-

вовалось при подготовке курсовых и дипломных работ, которыми она руководила. Зато она приобрела за тот же срок немалую жизненную умудренность, которой иногда делилась с подопечными.

Недостатки своего преподавания Юрина научилась скрывать за внешней строгостью, умело держа дистанцию со студентами. Лишний раз обратиться к ней с вопросом желания не возникало. Тем более – шалить на ее занятиях.

Студенты четко делились у Юриной на «хороших» и «плохих», «своих» и «чужих». Первым она благоволила, в число вторых лучше было не попадать. Отыгрываться на защитах курсовых и дипломов, зачетах и экзаменах Алевтина Львовна умела виртуозно. Даже оценки ставила не только за знания, но и руководствуясь моральным критерием, чем-то вроде сформулированного в свое время Евгением Дюрингом критерия «нравственного настроения» мыслителя при оценке философских систем. Так, люди, по ее мнению, «плохие», не могли получать отличных оценок. И эта максима неуклонно проводилась в жизнь.

В качестве примера могу вспомнить своего университетского приятеля А.Б. Германа, которого Юрина в студенческие годы почему-то невзлюбила, считала хитрым проходимцем и, как могла, преследовала. К экзамену по палеоботанике круглый отличник Леша подготовился очень хорошо, ответил на все вопросы, правильно определил предложенные образцы, уверенно отчеканил их геологический возраст. Успешно преодолел он и стандартные дополнительные рогатки, и уже вздохнул было с облегчением, но не тут-то было. Юрина как фокусник из мешка стала доставать из лотка учебные образцы и спрашивать: скажите, а это что такое, а это? А возраст какой? И вздрогнул бедный студент при виде разверзшейся перед ним бездны...

До ухода Т.А. Якубовской на пенсию, Юрина не осмеливалась выходить из ее тени. Тихо вела скучные практические занятия по палеоботанике для 3 курса, вызывавшие критические замечания самостоятельно мыслящих студентов (С.В. Мейена и др.). Но в глубине души таила амбиции, копила обиды и, как могла, но опять же тихо, карабкалась «наверх», что советская система «повышения квалификации» кадров никак не возбранила.

В 1965 году Юрина защитила кандидатскую диссертацию «Девонская флора Центрального Казахстана», которой, правда, несмотря на со-

трудничество с французским ботаником и палеоботаником И. Лемуаном, явно недоставало ботаничности. Что, впрочем, опять же не помешало Юриной своевременно, без лишнего шума перебраться на должность старшего научного сотрудника, получив заодно и звание доцента (1973 г.).

И все же взять на себя чтение основного курса палеоботаники после ухода Якубовской А.Л. Юрина не смогла. В результате в течение всего одного семестра (1978 г.) этот курс читал ее недавний студент, а тогда уже ведущий палеоботаник страны – С.В. Мейен.

Однако на свою беду, а главное – на горе преподаванию палеоботаники в университете, либеральный Сергей Викторович коренным образом разошелся во взглядах на преподавание с фактическим заведующим кафедрой – профессором *Владимиром Васильевичем Друщицем* (1916–1983).

По мнению Мейена, в процессе преподавания не следовало скрывать от учащихся трудности и дефекты даже господствующих доктрин. Он был настоящий ученый, считал, что вечных истин в науке нет, что наука – процедура итеративная, стремился развивать у своих подопечных самостоятельное, критическое мышление. Он учил, вслед за Н.Я. Данилевским, что отношение к авторитетам должно состоять в почтительной независимости. И от своих учеников ожидал и требовал «встречной генерации» – быстрой, живой реакции на обсуждаемые научные проблемы.

Друщиц, напротив, был убежден, что студентам не следует толковать о незнании, поскольку это порождает в их неокрепших головах опасный скепсис, а главное – подрывает авторитет кафедральных учителей.

«Несознательный» Мейен упрямо стоял на своем. И чтобы избавиться от затесавшегося в ряды правоверных кафедралов опасного еретика предусмотрительный Друщиц повелел доверенным преподавателям подробно законспектировать курс Мейена, свести конспекты воедино и передать А.Л. Юриной. Которая на сей раз не подвела и составила на их основе выхолощенный курс несомненных истин, полностью отвечающий педагогическим установкам В.В. Друщица¹⁵.

¹⁵ Подробнее см. раздел «Сократовец Мейен и современные софисты» в моей статье: С.В. Мейен: штрихи к портрету // In memoriam. С.В. Мейен: палеоботаник, эволюционист, мыслитель. – М.: ГЕОС, 2007. – С.38–40.

Самого Мейена читать курс палеоботаники больше не приглашали.

Мейен, конечно, был обижен и уязвлен, но перед ним стояли более заманчивые цели, связанные с избранием в Академию наук. В 1986 году он помог Юриной защитить докторскую диссертацию «Средне- и позднедевонские флоры Евразии» – работу в основном компилятивную, хотя и добросовестно составленную. Даже поднаторевшему в лукавых отзывах С.В. Мейену, члену нескольких редколлегий, стоило большого труда представить этот почти лишенный самостоятельных мыслей опус как оригинальное исследование, вносящее существенный вклад в фундаментальную науку. Вы можете спросить меня, зачем он это сделал? – Я задавал ему этот вопрос. И получил не оставляющий сомнений ответ. Юрина, объяснил великий Учитель, «наша», «своя», она может оказаться нужна, полезна, особенно в качестве доктора наук. Вот понадобится тебе положительный отзыв на диссертацию – она его напишет. А ее работа – ну, да, безыдейно, скучно, но где это ты сегодня видел идейные докторские? Нужны тебе идеи – читай Виллиса, Миркина, Попова, наконец, мои статьи по географии макроэволюции...

Сегодня, по истечении тридцати с лишним лет, я понимаю: С.В. Мейен готовился к избранию в АН СССР и заранее формировал свою «клиентуру». Ведь ему, как всякому «кандидату в Наполеоны», были нужны обязанные лично ему преданные люди с положением и, конечно, как можно меньше влиятельных врагов.

Но даже в качестве новоиспеченного доктора Юрина не приняла участия в составлении палеоботанического раздела для учебника общей палеонтологии, подготовленного сотрудниками кафедры. Якобы из-за идейных разногласий с авторами, во что верится с трудом.

На склоне лет А.Л. Юрина озаботилась поиском преемника, которого, чтобы чего не вышло, выбрала сама. По субъективно-личностным критериям – сходству с собой (провинциалка из дальнего Подмосковья, с красным дипломом, но без особых способностей к науке), национальности и своего рода «моральному» основанию: была высоко оценена помощь в уходе, оказанная избранницей (неумной и недоброй женщиной, быстро научившейся эксплуатировать студентов) во время пребывания Юриной в больнице. «Кто она мне? Родственница? Товарка?!» – патетически восклицала Алевтина Львовна на защите дефектной кандидатской диссертации своей подо-

печной¹⁶, наскоро слепленной (соискателя нужно было «спасать») и безотказно проведенной через ВАК все тем же А.С. Алексеевым.

Заинтересовалась Юрина и «научной школой» из своих последователей, которым в идейном плане дать ничего не могла. Что сразу и привело к конфузу. Составленное юринскими назначенцами тощее учебное пособие по палеоботанике, для которого пронырливые кафедры (И.С. Барсков и др.) смогли достать министерский гриф, оставляет откровенно тяжкое впечатление¹⁷. Для того, чтобы хоть как то поддержать уничтоженную этим произведением репутацию авторов, пришлось пойти на дальнейший обман. Через избранного профессором кафедры А.Ю. Розанова выписать учебному пособию премию Х. Раусинга.

На сегодняшний день палеоботаника на кафедре палеонтологии МГУ, фактически, приказала долго жить.

Слово А.Н. Криштофовичу

Вернемся, однако, к А.Н. Криштофовичу. Вот его письмо Ю.А. Орлову.

«30 ноября 1947

Дорогой Юрий Александрович,

Я получил от Вас непосредственно и от Б.К. Шишкина¹⁸ Ваше письмо по вопросу о палеоботанике в сфере академии наук. Откладывая ответ по существу, до договоренности с Шишкиным, я бы хотел прежде всего как необоснованное отклонить обвинение в моем «нежелании» работать в этой области с АН. Дело как раз наоборот. Ни во время пребывания Академии в Ленинграде (с 1924), ни после переезда ее в Москву мне никогда не делалось прямых предложений принять участие в этой работе. Наоборот, даже

¹⁶ По поводу содержания работы Юрина, ее научный руководитель, нашла сказать лишь одно: «Я посмотрела – достойно!» Но, как известно, в науке вещать не принято, а личный авторитет Алевтины Львовны не того полета, чтобы делать подобные заявления.

¹⁷ Игнатьев И.А., Мосейчик Ю.В. Рец.: Юрина А.Л., Орлова О.А., Ростовцева Ю.И. Палеоботаника. Высшие растения: Уч. пособие. – М.: Изд. Моск. ун-та, 2010. – 224 с. // *Lethaea rossica*. Рос. палеобот. журн. – 2010. – Т. 4. – С. 83–93.

¹⁸ Шишкин Борис Константинович (1886–1963) – видный советский ботаник, член-корреспондент АН СССР.

мои попытки в этом направлении отклонялись. Так, в 1935 или 1936 г. сам А.А. Борисьяк предложил мне выдвинуть в аспиранты Академии Т.Н. Байковскую. Результат получился смехотворный и для меня обидный, так как Ученый совет Вашего Института (протокол хранится у меня) отклонил мое заявление, выдвинутое в согласии с самим Борисьяком. Видно или он переменил свое решение, или действовали закулисные силы, но налицо было противодействие членов Ученого совета, смехотворно мотивировавших свое решение тем, что в составе ПИНа нет специалистов по палеоботанике! Это решение было для меня глубоко оскорбительным, и, конечно, при такой постановке я более никаких шагов делать не мог. У меня есть ряд аспирантов из Грузии, собираются из Азербайджана, так как у них нет руководителей на месте. Вывод ясен. Когда в прошлом году моя кандидатура в академии выдвигалась Университетом, она не была поддержана ПИНОм, а в «Изв[ествиях АН СССР]» даже не были упомянуты те организации (ДВ база, БИН и др.), которые мою кандидатуру поддерживали. Это не есть отношение, при котором возможно по моей инициативе создавать Палеоботанику в ПИН. Не был использован ни (чл. корр. с 1919 г.) Залесский¹⁹, живший близ Москвы, и, вероятно, охотно переехавший туда, ни работающая в системе Академии Нейбург²⁰, несмотря на то, что *по слухам*, отделение не раз выражало желание создать Палеоботаническое отделение. Если чего желают, надо делать конкретные предложения.

Я согласен с Вами, что ставить палеоботанику в Академии кустарно нельзя, но все же придется начинать с наличными силами, постепенно создавая и подготовляя новые кадры, для чего должны быть созданы удовлетворительные условия. Например, пригласить известно анатома древесины Яценко-Хмелевского²¹ (доктор) из Эривани²², пригласить П.А. Никитина²³, специалиста по ископаемым плодам и семенам – специ-

альность, по которой в Зап. Европе работают всего два человека; в США и у нас – никто, кроме Никитина. Бесконечно определять отпечатки третичной и юрской флоры невозможно, надо искать новые пути и методы. Теперь у меня в Геолкоме есть «Палеоботаническая лаборатория» в составе около 10 специалистов, которая конечно далеко не может охватить всех отделов и в отношении возраста флор, и в отношении методики. Палеоботан[ический] отдел БИНа пока в консервации из-за болезни И.В. Палибина²⁴, там у меня есть пока один аспирант и один ботаник без палеоботанической подготовки, да и тот в Монголии. Бывшие сотрудники Шапаренко и Ярмоленко погибли на войне.

В ближайшие дни (я только что вернулся из Киева) я поговорю с Б.К. Шишкиным и напишу Вам тогда реальнее. Но вообще с АН трудно иметь дело. Они три года водили меня за нос в отношении председателя ДВ Базы. Сначала уговорили согласиться, а потом без всякого уведомления меня назначили другого (и слава Богу!) – но это все-таки неприлично со стороны такого учреждения. Ни в каких званиях я не нуждаюсь и их не ищу, и всегда рад помочь, если ко мне обращаются прямо и откровенно, имея соответственные полномочия... Я уже около 2–3 лет прошуграничную командировку, ответа не имею. Писал С.И. Вавилову, но он даже не сообразовал мне ответить. Видно времена Карпинского безнадежно миновали.

Со словарем мы не торопим, но будем ожидать Ваших предложений.

О направлении палеоботаники в системе Академии могу сказать следующее. В Геолкоме она соответственно его задачам имеет стратиграфическое направление, с уклоном в сторону ботанико-географии и эволюции по мере разработки материалов. В БИНе она имела описательное направление, систематическое (Шапаренко), анатомическое (Ярмоленко). Прорабатывались отдельные роды и семейства растений монографически (*Ginkgo*, *Salvinia*, *Liriodendron*). В ПИН или в системе Академии вообще она должна быть всесторонней, по преимуществу осваивая новые методы, заполняя наши главнейшие пробелы (девон, карбон Казахстана, пермь), равно как в стратиграфическом, так и систематическом отношении, и не поднимая искусственно флага «эволюции». Эти выводы делаются очень опы-

¹⁹ Залесский Михаил Дмитриевич (1877–1946) – российский и советский палеоботаник, член-корреспондент АН СССР.

²⁰ Нейбург Мария Фридриховна (1894–1962) – видный советский палеоботаник и стратиграф.

²¹ Яценко-Хмелевский Андрей Алексеевич (1909–1987) – российский и советский ботаник, анатом древесины.

²² Устаревшее русское название Еревана.

²³ Никитин Петр Алексеевич (1890–1950) – российский и советский ботаник.

²⁴ Палибин Иван Владимирович (1872–1949) – российский и советский ботаник и палеоботаник.

ными работниками, когда у них выкристаллизуются идеи, а не *ad hoc*. Можно выдвигать и специально эволюционные темы на основании конкретных материалов, но в общем вся ведь наша работа не может быть другой как в свете эволюции. Надо только изучать, а не бесконечно пережевывать старые достижения и материалы. Но для этого нужно всестороннее образование и большие возможности, доступ к материалам, у нас отсутствующим. А тут, куда ни ткнешь – все загородка, нет квартир, работник не имеет необходимой подготовки etc.

Пока всего хорошего, Ваш А.Н. Криштофович.

Обращаюсь к Вам и сотрудникам ПИН с просьбой *спешно* дать информацию для хроники в Ежегоднике событий, знаменательных в истории палеонтологии за 1941–1947 гг. (открытие и восстановление ПИН, возврат его в Москву, раскопки, открытия, докторские диссертации, выставки, конференции. Борисьяковские чтения, когда состоялись, присуждение Сталинских премий, Волкотской премии (это у нас есть). События 1941–1944 можно осветить короче, главные, события 1945–1947 полнее и более мелкие. Выпуск особо важных изданий и вообще палеонтологическую «смесь», которая придаст жизненный характер нашему органу.

Ввиду срочности сдачи тома в производство не откажите сделать это поскорее, чтобы успело попасть в том.

В дальнейшем прошу Вас заготавливать хронику ПИН заблаговременно, чтобы не пропускать важных событий.

Об этом Вам пишет и Эйно²⁵, надеюсь, Вам поможет Эберзин²⁶ и все ПИНовцы.

Я давал работу в Сборник Борисьяка²⁷, она включена не была, рукопись мне не возвращена; если ее печатать не будут, не откажите распорядиться вернуть ее мне по возможности скорее».

Идеи не умирают

И все же организационные идеи Криштофовича не пропали втуне. Наиболее удачная попытка создать палеоботаническую лабораторию по его идейным лекалам была осуществлена

вскоре после его кончины, в 1956 году. Но уже не в Палеонтологическом, а в Геологическом институте АН СССР (далее – ГИН). В рамках геологического, а не биологического отделения Академии. Обычно ее связывают с именем В.А. Вахрамеева²⁸, хотя в действительности заслуга эта принадлежит другому лицу – видному геологу, академику и директору ГИНа Николаю Сергеевичу Шатскому (1895–1960).

И если выдающийся тектонист, глава тектонической школы, теоретик, историк и организатор науки Н.С. Шатский в представлениях не нуждается, то о Всеволоде Андреевиче Вахрамееве (1912–1986) нужно сказать несколько слов. Как и о том, почему именно он, не имея за плечами ботанической подготовки и хорошей палеоботанической школы, оказался вдруг во главе лаборатории палеоботаники.

Появившись на этот свет «в его минуты роковые», на пороге эпохи войн, революций и слома всей русской жизни внебрачный сын табачного фабриканта («Ярославские сигары Вахрамеева») Всеволод Андреевич не родился высоким интеллектуалом или ловким предпринимателем. Организационных идей и способностей ни в детстве, ни позднее не проявил. Но был он высок ростом, строен, в юности даже красив. Характером добродушен, слегка застенчив. Старался никого не задеть и вообще не привлекать к себе внимания. Всю жизнь он «мучился происхождением»: вдруг кто узнает, что он сын фабриканта, а не простого инженера, за сына которого он себя выдавал. От родного Ярославля Всеволод Андреевич бегал, как от чумы (был там лишь однажды и бежал когда его узнали), и как огня боялся бдительных советских властей. В партию, «страха ради иудейска», не вступал, но очень старался выглядеть *comme il faut* по общественной линии. Политически был подчеркнуто лоялен. Умел прятать глубоко внутри свои амбиции, зависть, недоброжелательство, личные симпатии и антипатии. В частной жизни его увлекали художественное творчество, театр, поэзия. Был он знатоком изобразительного искусства и тонким цени-

²⁵ Эйно²⁵ Ойгерд Леонардович (1898–1991) – советский палеонтолог и стратиграф.

²⁶ Эберзин Анатолий Георгиевич (1904–1970) – советский палеонтолог.

²⁷ Имеется в виду издание: Памяти академика А.А. Борисьяка. – М.: Изд-во АН СССР, 1949. – 361 с.

²⁸ Ахметьев М.А. К истории создания лаборатории палеофлористики ГИНа // Сб. памяти член.-кор. АН СССР, проф. Всеволода Андреевича Вахрамеева (к 90-летию со дня рождения). – М.: ГЕОС, 2002. – С. 83 – 85; Ахметьев М.А. Лаборатория палеофлористики: от времени создания до наших дней // К 50-летию лаборатории палеофлористики РАН. Тр. Междунар. палеобот. конф. Москва, 17–18 мая 2005 г. Вып. 2. – М.: ГЕОС, 2006. – С. 7–12.

телем женской красоты. Играл в драмкружке Дон-Жуана. Любил путешествовать и обладал самым большим в Союзе собранием романов Агаты Кристи. Квартира его была полна художественных альбомов, цветов, статуэток и других красивых безделушек.

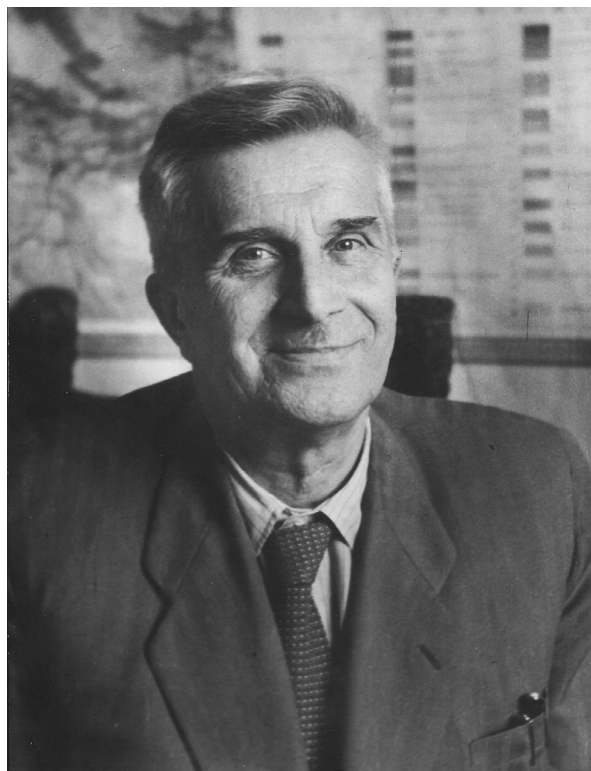
Геолог по образованию, В.А. Вахрамеев, как уже говорилось, не мог похвастаться не только хорошей палеоботанической школой, но и вообще ботанической подготовкой. Зато по жизни приобрел добрые отношения и положительный опыт работы с ближайшими сотрудниками и соратниками Н.С. Шатского в Таджикско-Памирской экспедиции (А.В. Пейве, Н.П. Херасковым, А.Л. Яншиным и др.) и в Приаралье (с тем же А.Л. Яншиным). Ему доверяли. Знали: этот милейший, скромный, ответственный парень («Севка», как его звали в узком кругу) не подведет. Не продаст, не перебежит к конкуренту – побоится.

Такие люди, как В.А. Вахрамеев, а их абсолютное большинство, по определению напрочь лишены пассионарности и органически неспособны ни на какие подвиги, даже на создание новой лаборатории. Стать признанным главой коллектива специалистов высокого уровня для них недоступно. Туда их могут только назначить. Зато такими назначенцами легко управлять сверху. Пусть и получают из них в итоге одни лишь слабые, «технические» руководители.

На войну В.А. Вахрамеев на свое счастье не попал, хотя подходил по возрасту. Вместо этого он был мобилизован заниматься картированием меловых бокситоносных толщ Урала. В те же годы он впервые, в общем-то случайно, обратился к палеоботанике, пытаясь привлечь ее данные для реконструкции обстановок бокситообразования. Здесь же Всеволод Андреевич первый раз тесно соприкоснулся с А.Н. Криштофовичем и под его опекой начал описывать ископаемые растения для целей стратиграфии.

Не выпячиваясь и «не хватая с неба звезд», Вахрамеев делал стандартную советскую карьеру в академической геологии, и к середине 1950-х годов «дорос» до доктора геолого-минералогических наук. Его друзья (Пейве, Яншин и др.) достигли в эти годы еще более впечатляющих научных и административно-командных высот.

Между тем академик Н.С. Шатский выступил с главным детищем своей жизни – программой «Закономерности размещения главнейших полезных ископаемых в земной коре как основа их

**Николай Сергеевич Шатский
(1895–1960)**

Выдающийся советский геолог, тектонист, историк геологии. Действительный член АН СССР. Директор Геологического института АН СССР.

Фактический основатель отдела (впоследствии – лаборатории) палеофлористики и стратиграфии континентальных отложений.

Сформулировал цели и задачи отдела в соответствии с идеями А.Н. Криштофовича. Определил его стартовый кадровый состав и структуру.

Всемерно способствовал налаживанию в отделе современных методов палеоботанического исследования.

**Всеволод Андреевич Вахрамеев
(1912–1986)**

Доктор геолого-минералогических наук, член-корреспондент АН СССР, заведующий лаборатории палеофлористики Геологического института АН СССР (1956–1985), многолетний «попечный» А.Н. Криштофовича.

Одно время рассматривался как возможный преемник А.Н. Криштофовича во главе палеоботанической лаборатории БИНа.

Во главе лаборатории палеофлористики Геологического института удачно реализовывал идеи А.Н. Криштофовича о развитии «геологической» палеоботаники ботанико-географической и стратиграфической направленности.

В отличие от своих преемников на посту заведующего (М.А. Ахметьева и сл.), умел создать благоприятные условия для научного роста своих сотрудников, радовался их успехам и достижениям, как своим собственным.

прогноза на территории СССР», легшей в основу работы ГИНа. И ощутил острую необходимость реструктуризации имевшихся в институте сил.

Мысль с делом у него не расходилась. В 1956 году Институт был разделен на восемь отделов. Одним из них, по мысли Н.С. Шатского, должен был стать сильный Отдел палеофлористики и стратиграфии континентальных отложений с двумя неструктурными лабораториями: по изучению протерозойских, палеозойских и мезозойских спор и пыльцы и по изучению спор и пыльцы кайнозоя и четвертичных отложений²⁹. Костяк отдела составили лучшие специалисты (палеоботаники и палинологии) института – М.Ф. Нейбург, С.Н. Наумова, Е.Д. Заклинская, Н.А. Болховитина, В.П. Маслов.

Поставить этим людям в начальники легковесного В.А. Вахрамеева значило смертельно оскорбить их. Шатский колебался. Неизвестно, что, в конце концов, повлияло на его выбор. Можно предположить, что он хотел обеспечить преемственность своего «курса» развития института на много лет вперед, заместив руководящие должности талантливой молодежью из своего ближайшего окружения. Вахрамеев явно не был талантливым, не был палеоботаником, но, возможно, привлек внимание Шатского именно как геолог, понимавший специфику исследований на стыке стратиграфии и разведки полезных ископаемых.

Так или иначе – он был назначен и... не принят в качестве руководителя всеми ведущими специалистами Отдела. День его назначения был прозван ими «Вахрамеевской ночью». Так был заложен раскол среди сотрудников Отдела, неоднократно проявлявшийся в последующие годы.

Однако, пообщавшись с Вахрамеевым, Шатский вдруг понял, что тот явно не готов к ответственной ему роли. Просто не знал, чем ему заниматься. И чтобы направить ставленника по нужной стезе, для начала предложил ему подготовить обзор достижений будущих сотрудников отдела за последние десять лет³⁰. А заодно по-

²⁹ Тихомиров В.В., Соловьев Ю.Я., Панютин Л.Б., Гордина И.А., Малахова И.Г., Бугельская Л.В. История Геологического института АН СССР: Развитие института, его научные школы и библиография трудов. – М.: Наука, 1980. – С. 31 и сл.

³⁰ Подобного рода «задание» было, в общем-то, уничижительным. Для сравнения могу привести пример С.В. Мейена, который знал не только, чем занимаются его сотрудники, но и их советские и иностранные коллеги.

ставил перед Вахrameевым общую проблему, которой должен был заниматься возглавляемый им отдел: «Ископаемые флоры СССР как основа стратиграфии преимущественно континентальных толщ». Ключевое слово здесь «флоры» и это чисто криштофовичский подход. Во главу угла ставится изучение не отдельных растений и их групп, а сменяющих друг друга во времени крупных территориальных комплексов растительных макроостатков, интерпретируемых как региональные древние флоры. Именно на их последовательностях предполагалось строить стратиграфию континентальных флороносных толщ.

Пока Вахrameев тешил свое самолюбие и приглядывался к открывшейся перед ним заманчивой перспективе зарубежных поездок (только в 1957 году он побывал в Чехословакии дважды, первый раз – как турист) Шатский занялся за него постановкой еще одного важного направления работы отдела – освоением его сотрудниками новейших методик исследования. Опять же, как завещал великий Криштофович. Для этого он лично обходил ведущих сотрудников отдела с вопросом: каковы наиболее перспективные методы исследования в их области знаний и что нужно для того, чтобы внедрить их в практику работы института.

Один из таких визитов Шатский нанес М.Ф. Нейбург, занимавшей соседний с директорским рабочий кабинет. Разговор был не очень простой, поскольку Нейбург, женщина волевая и с нелегким характером, была, мягко говоря, недовольна назначением Вахrameева, которого считала «дураком» и не собиралась этого скрывать. К счастью, главным предметом разговора были не Вахrameев и его недостатки, а общее дело. На этом и Шатский, и Нейбург всегда могли поладить, хотя разногласия оставались.

По рассказу ученика Марии Фридриховны – С.В. Мейена, бывшего невольным свидетелем разговора, Нейбург просветила Шатского на предмет мацерации фитолейм по стандартной методике в смеси Шульце, переноса растительных остатков на целлулоидную пленку, объемной мацерации. Показала опубликованные иностранными исследователями изображения препаратов и закончила словами:

– Вот и мы, уважаемый Николай Сергеевич, могли бы делать нечто подобное, или даже лучше, если бы имели соответствующие возможности.

– А что для этого нужно?

– Отдельная комната, тяга, реактивы, сита для мацерации, предметные и покровные стекла. Хорошие микроскопы, приспособления для микрофотосъемки...

– Хорошо, я подумаю.

А дальше произошло чудо, не имевшее прецедентов ни в анналах ГИНа, ни среди свидетельств в позднейших летописях. Н.С. Шатский распорядился отгородить треть своего кабинета для лабораторной комнаты, устроить в ней тягу, купить реактивы и прочее оборудование, включая бертолетову соль, на приобретение которой, как взрывчатого вещества, потребовалось разрешение милиции. Великий Шатский, романтик от науки, был велик во всем. Эта лабораторная комната просуществовала до конца 1986 года. В ней делала свои известные препараты кутикулы М.Ф. Нейбург. На ее базе были сделаны все известные работы С.В. Мейена.

Дальнейшая судьба лаборатории палеофлористики ГИНа, связанная с созданием наиболее влиятельной научной школы палеозойской палеоботаники в стране (М.Ф. Нейбург, С.В. Мейен и др.), а также причины упадка лаборатории после кончины С.В. Мейена является предметом отдельного рассказа, который последует в другом месте.

Благодарности

Автор признателен А.В. Гоманькову за срыв своего доклада на X Криштофовичских чтениях: без этого идея изложить некоторые его положения в расширенном виде в настоящей статье могла бы не получить воплощения. Особую благодарность следует адресовать Д.Е. Щербакову за предоставленную возможность ознакомиться с содержанием письма А.Н. Криштофовича Ю.А. Орлову от 30 ноября 1947 года. Наконец, автор признателен всем лицам, участвовавшим в обсуждении статьи до ее публикации и сделавшим к ней немало ценных замечаний и предложений.

Некоторые положения статьи могут показаться субъективными, не политкорректными и даже затрагивающими отдельных лиц, упомянутых в статье. Что ж, я не ходячая истина, от субъективности никуда не деться, *humanum errare est*, и потому с благодарностью приму любую конструктивную критику. Я даже заинтересован в этом и предлагаю обсудить положения статьи на страницах настоящего издания.

Что же касается пресловутой политкорректности, иными словами лукавого искусства обходить «острые углы», не называя вещи своими именами – это не мой жанр. При этом я все же постарался по возможности, не жертвуя при этом исторической правдой, смягчить ряд формулировок и не рассказывать всего того, что мне известно, за что прошу снисхождения у более решительно настроенных читателей. В любом слу-

чае я заранее прошу прощения у тех, кто сочтет себя задетым за живое. «Платон мне друг, но истина дороже». Моей целью было привлечь внимание к удачам и ошибкам в развитии палеоботаники в нашей стране, а не выставять напоказ слабости и прегрешения участников этого процесса, чтобы не повторять их ошибок и заблуждений в будущем. Хотя верится в такую возможность с трудом.